

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/91/13

Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: жанровый генезис и поэтика

Евгений Рудольфович Пономарев^{1,2}

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(ИМЛИ РАН), Москва, Россия*

² *Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} eponomarev@mail.ru*

Аннотация. Анализируется творчество В.Н. Муромцевой-Буниной 1927–1930 гг. Впервые изучается поэтика писательницы-мемуаристки, поставлен вопрос о генезисе ее творчества. Рассмотрена поэтика первых очерков, созданных в конце 1920-х гг., а также первых глав большой мемуарной книги. По мнению автора, мемуарные очерки Муромцевой-Буниной вырастают из двух письменных (нехудожественных) жанров – газетного некролога и развернутой дневниковой записи, а мемуарная книга – из дневниковых записей и философии Памяти, актуальной для И.А. Бунина в ходе работы над романом «Жизнь Арсеньева». Выявлены интертекстуальные связи между отдельными очерками, поэтика очерков прослеживается в динамике.

Ключевые слова: В.Н. Муромцева-Бунина, жанровый генезис, поэтика, мемуарный очерк, книга мемуаров

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-01340 «Полное собрание сочинений В.Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Для цитирования: Пономарев Е.Р. Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: жанровый генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 255–268. doi: 10.17223/19986645/91/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/13

Early works of Vera Muromtseva-Bunina: Genre genesis and poetics

Evgeny R. Ponomarev^{1,2}

¹ *Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1,2} eponomarev@mail.ru*

Abstract. The article examines works by Vera Muromtseva-Bunina written in 1927–1930. For the first time, the poetics of the memoirist writer is studied, and the

question of the genesis of her work is raised. The poetics of the first essays created in the late 1920s, as well as the first chapters of the large memoir book, are considered. The author proves that Muromtseva-Bunina's memoir essays grow from two written (non-fiction) genres – a newspaper obituary and an extended diary entry, and the memoir book from diary entries and the philosopheme of Memory, which was relevant for Ivan Bunin while working on the novel *The Life of Arsenyev*. Intertextual connections between individual essays are revealed; the poetics of the essays can be traced in dynamics.

Keywords: Vera Muromtseva-Bunina, genre genesis, poetics, memoir essay, book of memoirs

Acknowledgements: The reported study was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-01340: Complete Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Archival Research, Comprehensive Study, Publication).

For citation: Ponomarev, E.R. (2024) Early works of Vera Muromtseva-Bunina: Genre genesis and poetics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 255–268. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/13

О В.Н. Буниной (урожденной Муромцевой) обычно писали совсем немного – как об идеальной писательской жене, которая почти полвека прожила с И.А. Буниным, а после смерти писателя стала хранительницей архива и памяти о великом муже, а также первым биографом Бунина. Эта точка зрения, при всей ее справедливости, оставляет без внимания многие иные черты этой незаурядной женщины. Лишь в 2010-х гг. появилось несколько работ и публикаций, из которых стало видно, что Вера Николаевна имела свой круг общения – как в дореволюционной России, так и в эмиграции, – значительно превышающий круг общения ее мужа (в него входили и все знакомые Бунина и ее собственные знакомые). А также свои собственные сферы деятельности – это благотворительная и религиозно-общественная работа [1, 2]. Несколько лет назад – едва ли не впервые – Муромцева-Бунина была рассмотрена как «литератор», т.е. автор, имеющий значение сам по себе, независимо от великого мужа [3]. Эту тенденцию мы намереваемся продолжить и в рамках настоящей статьи. В.Н. Муромцева-Бунина, наряду с Г.Н. Кузнецовой и Л.Ф. Зуровым, стала полноправным участником писательской колонии в Грассе, как называли бунинский дом в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Она имела свои собственные темы, свой писательский стиль и должна быть рассмотрена как отдельный писатель (разумеется, не первого ряда), внесший свой вклад в культуру зарубежья.

Оригинальное творчество В.Н. Муромцевой-Буниной началось в конце 1920-х гг. и целиком относится к литературе русской эмиграции (несколько переводов французских романов, выполненных в предреволюционный период, мы не рассматриваем в этом контексте, хотя переводы художественной литературы, безусловно, сыграли важную роль в ее творческом становлении). Ее первый очерк, опубликованный в газете «Возрождение» 19 февраля 1927 г., назывался «Памяти С.А. Иванова». Само заглавие говорит нам

о жанровом генезисе – очерк с очевидностью вырастает из некролога, а первый абзац этого текста, казалось бы, может служить эпиграфом ко всему творчеству мемуаристки:

«При известии о смерти человека, которого любишь, после первого момента потрясения, начинаешь упорно думать о нем и представлять себе его. Сначала он является в живом физическом виде, а затем этот физический облик заслоняется его невидимым ликом, который открывается в редкие минуты человеческих общений. И чем человек выше, чем его личность больше, тем этот невидимый лик выступает отчетливей» [4].

Сергей Андреевич Иванов – революционер-народоволец, просидевший в Шлиссельбургской крепости двадцать лет, вспоминается Вере Николаевне отчасти по встречам в Москве, но больше по совместной работе в эмиграции: в Комитете помощи писателям и ученым, пострадавшим от большевизма. Основой заметки-некролога становятся душевные качества этого поразительного человека, а также мысль (близкая к историософии Н.А. Бердяева, с которой Бунина была знакома) о революционерах прошлого (существенно отличающихся от большевиков) – людях, соединяющих в себе идею самопожертвования с тонкой внутренней культурой.

В завершающих абзацах этот мини-очерк осмыслен автором как публичное надгробное слово:

По слабости я была лишена возможности поклониться его праху и проводить его до места последнего убежища.

Пусть же эти строки будут слабой благодарностью за то, что я получила от его большой и благородной души [4].

Газетный очерк, таким образом, сближается с художественно-разговорным жанром прощальных речей во время похорон. Благодаря этой концовке задача очерка начинает перерастать традиционные задачи некролога: надгробное слово эмоциональнее краткого изложения жизни покойного; оно более личное и более вдохновенное, оно не перечисляет факты, а вспоминает о вечно живой душе, оно как бы способствует переходу человеческого и исторического в вечную память.

Основная часть очерка и выстроена у Буниной именно так. Первая половина основной части лишь слегка и крайне размыто использует историю жизни (вся полнота которой автору, наверное, и неизвестна), основные мотивы – нравственная высота и духовная красота С.А. Иванова. Вся вторая половина – рассказ о последней встрече: «В последний раз, накануне своей смерти, он навестил меня вместе с М.А. Алдановым» [4]. Подробно изложен весь ход разговора.

Этот прием заставляет заглянуть в дневник В. Н. Буниной за предшествующие публикации дни. В записи от 13 февраля (31 января старого стиля) 1927 г. сообщается, что в этот день стало известно о смерти С.А. Иванова, а «накануне» (11 февраля, как узнаем мы из того же дневника) он «был у меня» [5]. Чуть подробнее, но практически теми же словами, что и в

очерке, передан ход последнего разговора; упоминается и Алданов. Более того, сообщение о том, что Сергей Андреевич близко к сердцу принимал проблемы Комитета и очень страдал из-за нехватки средств и «распыления» денег, которое в очерке относится к неопределенному времени – совместной работе в Комитете, в дневнике оказываются темами последнего разговора. Таким образом, примерно половина основной части очерка – это переписанная (слегка сокращенная) дневниковая запись.

Получается, что первый очерк В.Н. Буниной (еще не избравшей себе псевдоним двойную фамилию Муромцева-Бунина и подписавшейся «В.Н. Бунина») представляет собой контаминацию двух письменных (нехудожественных) жанров – газетного некролога и развернутой дневниковой записи, а также устного жанра надгробной речи. Творчество Муромцевой-Буниной вырастает из этого жанрового единства, тематически связанного с потрясением от смерти хорошо знакомого и духовно близкого человека. Получившийся сложный жанр переживает дальнейшие трансформации. Газетная заметка Буниной в подтексте обретает сюжетность: она не просто рассказывает об ушедшем человеке; она ставит целью показать переход сиюминутного в вечное, телесно-материального – в духовно-нетленное, личного – в значимое для всей русской культуры. Очерк как жанр может существовать и вне искусства (в журналистике) и внутри него (очерки в художественной литературе). Краткие тексты Муромцевой-Буниной изначально стремятся к очерку художественному.

Необходимо обратить внимание и на то, в какой момент жизни Вера Николаевна начинает писать очерки-воспоминания. Приближаясь к тяжелой операции, которую пережила во второй половине января 1927 г. (она была готова к смерти на операционном столе, даже написала прощальное письмо мужу, оставив его запечатанным), Бунина вновь обрела глубокую веру в Бога. Ее первый очерк, как и все последующие, проникнут непосредственным религиозным чувством – стремлением рассказать всем о том «невидимом лике» человека, который открывается только близким людям в тесном душевном общении. Знаменательно, что первым финалом очерка (предшествующим процитированной концовке – второму и окончательному финалу) становится совсем недавнее воспоминание о том, как Иванов навещил ее в клинике в Вилльжюиф после операции (жить ему самому оставалось около двух недель).

12 февраля 1927 г., на следующий день после кончины С. А. Иванова, скончался С.С. Юшкевич, известный писатель и хороший знакомый Буниных. Воспоминания о нем Муромцева-Бунина напишет позднее, в 1930 г. Но в дневниковых записях февраля 1927 г. смерть Юшкевича и смерть Иванова, последовавшие друг за другом, создают общую атмосферу рокового (возможность собственной смерти Вера Николаевна ощущает еще очень остро – смерть еще не отступила от нее).

15 февраля 1927 г. Бунина запишет в дневнике:

Скоро опустят в землю С<емена> С<оломоновича Юшкевича>. Скажут ненужные речи и разойдутся. День будут под впечатлением этого горестного события, затем займутся делами, и огромный город сотрет и это впечатление, как он стирает ежедневно все.

Газета очень слабо отозвалась на смерть Юшкевича. Несколько сильных слов написал Ян (так, на польский манер, Бунина постоянно называла мужа. – Е.П.). Незначительное и бесцветное воспоминание бар<она> Дризена, и даже нет в «Возрождении» некролога. Странная газета! Да и в «Последних новостях» – только две статьи. Я думала, что его смерть будет событием в нашей зарубежной жизни, но, кажется, о Потемкине (поэт-сатириконец П.П. Потемкин, умерший осенью 1926 г. – Е. П.) писалось больше. Интересно завтра прочесть речи. Может быть, у раскрытой могилы найдут надлежащие слова [5].

Эти прочувствованные строки во многом объясняют писательскую задачу, которую ставит себе Муромцева-Бунина. Задача очень близка одной из целей творчества в том виде, как оно понимается в «Жизни Арсеньева» (непосредственная работа над романом начата Буниным в том же 1927 г.) – сделать что-то, чтобы прошедшая жизнь не стерлась навсегда. Несмотря на необратимость смерти, найти «надлежащие слова». Она же оказывается исключительно созвучной и идее житийных биографий¹, которая родилась в эмиграции в середине 1920-х гг. Собственно, мемуаристика о том, как было в России, заполняет литературу русской эмиграции как раз в это время. Пишут в основном о недавнем прошлом (нередко преобразая это прошлое в своем новом эмигрантском сознании – «Петербургские зимы» Г.В. Иванова очень характерны в этом отношении).

В дальнейшем В.Н. Муромцева-Бунина напишет еще несколько очерков, вырастающих из идеи особого некролога, дающего живой облик умершего и фиксирующего главное, «нетленное» в прошедшей жизни. В 1928–1930 гг. она опубликует очерки, посвященные ушедшим несколько лет назад писателям и хорошим знакомым: Л.Н. Андрееву и С.А. Найденову (Алексееву); двум выдающимся ученым, с которыми свела ее жизнь – академикам Н.П. Кондакову и Д.Н. Овсяннику-Куликовскому; напишет и очерк о С.С. Юшкевиче. Показательно, что последним из напечатанных до Второй мировой войны очерков В.Н. Муромцевой-Буниной станет «Умное сердце» (1936) – «живой» (а не формально-типовой; формальное отношение к чужой смерти кажется ей нехристианским) некролог О.А. Шмелевой, жене писателя И.С. Шмелева. В дневниках появляются и иные идеи – например, написать о внезапно скончавшейся кузине Мане (М.С. Брюан, урожденная Муромцева, в первом браке Венявская), чтобы сохранить ее «живой облик» (поскольку мать ее, знаменитая оперная певица М.Н. Муромцева, хочет выпустить мемориальную брошюру, в которой, уверена Бунина, будут самые общие и неверные слова):

И зачем нужна идеализация, когда человек имеет много достоинств, но может иметь право и на недостатки, и как это близкие не понимают, и вместо живого

¹ О жанре житийных биографий см. [6].

образа дают какого-то неживого, состоящего из одних достоинств, манекена. Если брошюра будет такова, то я напишу о ней свои воспоминания и дам Живую Маню, полную интереса [7].

Вслед за кратким очерком о С.А. Иванове, первом опыте самостоятельного творчества, В.Н. Бунина приступает к совершенно иной работе: она пишет воспоминания об их с Буниным свадебном путешествии весной 1907 г. (из Москвы в Одессу, затем через Константинополь и Афины в Александрию, потом в Иудею, Бейрут, Баальбек и снова в Иудею, оттуда в Египет и обратно в Одессу). Этот объемный материал выстроен совершенно иначе (впрочем, оговоримся, что мы знаем его лишь в том виде, в каком он появился в эмигрантской периодике конца 1950-х гг.; более ранние варианты не сохранились): это воспоминания о самых важных днях жизни автора. Сначала много говорится о переживаниях девушки, порывающей с семьей и входящей в новую замужнюю жизнь; затем о новых впечатлениях и заботливости ее Яна, помогающей совершить этот переход; затем о писательском круге, в который автор впервые попадает как «жена Бунина»; наконец, о том, как привыкает она жить рядом с мужем, учитывая сложности его характера. И одновременно – воспоминания о ярких экзотических впечатлениях от Константинополя, Египта, Палестины, созданные в параллель к очеркам и стихотворениям мужа об этих землях, напечатанным еще до революции. Здесь мемуары соединяются с комментарием к произведениям мужа¹, а также с путевой прозой. Вновь получается комбинированный жанр, но совершенно иного рода. Все три его составляющие – жанры «вспомогательные», околотитературные. На их основе создается чисто литературный феномен: художественная автобиография, задача которой – воскрешение прежней жизни во всей ее сложности и многообразии (приуроченное к двадцатилетию супружеской жизни и вызванное во многом сильнейшим стрессом в жизни нынешней – с середины 1927 г. вместе с Буниными поселилась Г.Н. Кузнецова). Здесь в качестве образца используется роман «Жизнь Арсеньева», первая книга которого создается в эти же месяцы; В.Н. Бунина знакомится с ней непосредственно в процессе писания, поскольку, по ее собственному выражению, «перестукивает» написанное на пишущей машинке. Когда чуть позднее в писательской семье появится четвертый человек – Л.Ф. Зуров, начнутся споры, стоит ли Вере Николаевне писать о том, что, возможно, станет дальнейшим сюжетом «Жизни Арсеньева». Близость этих двух создающихся рядом произведений – как внешне-тематическая, так и внутренняя, кроющаяся в единстве мировидения и переработки жизненного материала – для всей грасской писательской колонии очевидна.

Весь 1927 г. В.Н. Муромцева-Бунина пишет «Наши странствия» (таково было, согласно дневнику, первоначальное заглавие этих мемуаров), в пер-

¹ Опыт такого комментирования (где и когда создано, чем навеяно) пригодится автору в дальнейшем при создании книги «Жизнь Бунина» (1958).

вой половине 1928 г. приступает к следующему мемуарному очерку «Гло-тово» – можно предположить, что так называлось объемное продолжение «Наших странствий», начинавшееся с первого визита Веры Муромцевой к новым родственникам и рассказывавшее о последующих поездках в имение С.Н. Пушешниковой Васильевское, которое Бунин любил и в котором часто подолгу жил. Этот материал был наверняка использован мемуаристкой в конце 1950-х гг., когда она стала регулярно печатать воспоминания в периодике (известны очерки «Первые впечатления от Васильевского», «Будни в Васильевском» и, собственно, «Гло-тово»). Однако ни в конце 1920-х гг., ни в начале 1930-х гг. Вера Николаевна не сделала попытки опубликовать свои автобиографические опыты. Возможно, сыграли роль уже упоминавшиеся опасения насчет сюжетного дублирования «Жизни Арсеньева». Кроме того, сказалось и само жанровое новаторство: обычно мемуары повествуют о прежней жизни и посвящаются тем, кого уже нет на свете. Первое условие мемуарного жанра тут было выполнено, но второе совсем не соблюдалось: и главный герой воспоминаний (Бунин), и многие другие лица, фигурирующие в тексте, были живы и здоровы. Возможно, из-за этой накладки – сущностной для всей эмигрантской культуры – печатание написанного было надолго отложено. Однако эта же особенность позволила мемуарам Муромцевой-Буниной стать «живыми» – по аналогии с «живым обликом» героев ее некрологов. Путешествие по Средиземному морю в Святую землю (а также родственные отношения мемуаристки с семьей писателя – в которую не смог и более не сможет войти никто иной, кроме нее) сообщало повествованию то «нетленное», что не подвластно времени.

Жанр мемуаров стал для В.Н. Муромцевой-Буниной школой большого повествования. Он подготовил ее к работе над мемуарной книгой, посвященной детству, отрочеству и юности, – на этот раз прямой проекции «Жизни Арсеньева» на ее собственную жизнь. Идея книги сложилась весной 1930 г. С середины июня началась работа над главой, посвященной детству. 7 марта 1931 г. «Детство» было завершено. Далее пойдут отрочество и юность. Эту книгу, еще в 1930-е гг. названную «Беседы с памятью», Муромцева-Бунина будет писать долгое время (примерно до 1941 г.) и так и не завершит. Сохранилось несколько рукописных и машинописных копий разных редакций, что позволяет ее реконструировать [8]. Заглавие же в конце 1950-х гг. будет передано другой книге воспоминаний, повествующей о жизни с Буниным.

Пока же, в 1928 г., отложив большие мемуары, Муромцева-Бунина возвращается к небольшому мемуарному очерку. По сравнению с очерком «С.А. Иванов» мемуаристка меняет подпись: все последующие очерки подписаны девичьей фамилией «В. Муромцева», как и дореволюционные переводы французских романов.

Очерки о Л.Н. Андрееве (1928), С.А. Найденове (1929), Д.Н. Овсяннико-Куликовском (1929), С.С. Юшкевиче (1930), Н.П. Кондакове (1930) объединяют идею «живого некролога» (абсурдность словосочетания, собранного

из двух разных выражений, кажется нам символически значимой: христианское сознание мемуаристики не считает его абсурдным) с идеей «живых мемуаров». «Нетленный лик» героя очерка соединяется с «нетленным временем», когда молодая Вера Муромцева проживала свои первые счастливые годы с Буниным, когда современная русская литература считалась самым важным делом на земле и когда Россия и русская культура стояли на верном пути.

Знаменательно настоящее время повествования, организующее все начало очерка «Отрывки воспоминаний: Л.Н. Андреев»: «Москва, первый снег, наш дом в Столовом. У нас гости, А.М. Федоров и Юл.Ал. Бунин. Разговор идет об Андрееве» [9]. Назывные конструкции первого предложения и отсутствие глагола во втором подводят к третьему предложению, в котором использован глагол настоящего времени. Это начало *ex abrupto* погружает читателя в то славное время, когда у Муромцевых был еще свой дом в Столовом, а многочисленные писатели проводили время в знаменитых московских ресторанах. На протяжении всего длинного (примерно четверть очерка) рассказа о первом знакомстве с Андреевым глаголы большей частью используют форму настоящего времени и лишь иногда прошедшего: «Я смотрю на черные с синеватым отливом волосы Андреева <...>»; «Затем идут расспросы об его работах»; «Затем он внезапно заявляет <...>»; но: «В передней, когда он накинул на себя дорогую шубу <...>, Иван Алексеевич напомнил ему <...>» [9]. Это соединение настоящего и прошедшего формирует уникальную ностальгическую интонацию, характерную для произведений Муромцевой-Буниной: действие как бы происходит перед нами прямо сейчас, но иногда нам напоминают – это все в прошлом¹. Ощущение «живого героя» (Андреев дан в нескольких эпизодах по-настоящему тоскующим, но при этом нередко манерничающим этой своей тоской) соединяется с «живым» же ощущением времени, например: «Было необыкновенно весело от остро пахнувшего воздуха, от бубенцов, от быстрой езды по пустынной улице, ярко освещенной электрическими шарами (причастия в форме настоящего времени! – *Е.П.*). За Тверской заставой нас то и дело обгоняли тройки, – Москва праздновала “первопутку”...» [9].

Такого же рода отдельные пассажи о «нетленном времени» организуют очерк «Отрывки воспоминаний: С.А. Найденов»: «В то время в России особенными любимцами русской публики были писатели. И так как баловать своих кумиров она умела не только со всей ширью славянской души, но и с большой истеричностью, то редко у кого из достигших в те годы “славы” не закружилась голова» [10]. Сам же герой предстает, с одной стороны, противоположностью Андрееву (он не любит шумихи и пошлости, потому что по-купечески ценит только настоящее; он сдержан и замкнут; резко относится и к собственной славе и к собственным неудачам), с другой же – не

¹ Нарративная структура очерков В.Н. Муромцевой-Буниной местами напоминает нарратологию И.А. Бунина: рассказа «Именины» (1924), а также романа «Жизнь Арсеньева» (1927–1933).

совсем соответствующим высокому писательскому званию, какому-то писательскому абсолюту: «Он был талантлив, умен, а между тем чего-то ему не хватало, чтобы подняться над своей первой пьесой. Мне кажется, у него не хватало культуры, широкого развития» [10]. С точки зрения «живого некролога» это правда об ушедшем, которая не может его оскорбить. Найденов «ниже», как тогда говорили, Андреева-драматурга, но выше его по своим человеческим качествам.

Глаголов в форме настоящего времени в этом очерке почти нет, но в той же функции, для создания уникальной ностальгической интонации, использованы как бы вневременные (так бывает всегда, вообще) ощущения мемуаристки: «Я была на генеральной репетиции. <...> Приятен этот домашний уют в театре, создаваемый столом с рефлектором в партере, за которым сидит режиссер, темнотой в антрактах, просто одетой публикой, волнением автора... В этот день автор прощается со своим детищем, – завтра оно уже будет отдано на суд публики» [10].

Крайне интересен финал очерка о Найденове. Сообщается, что в последние годы его жизни Бунины практически с ним не видались. Общение протекало в переписке. Он стал очень религиозен. Последнее письмо из Крыма было получено в 1920 г. В нем Найденов писал, что стал совершенно сед. Далее идет завершающий абзац:

И я теперь, когда думаю о нем, редко вспоминаю его молодым, сильным, черноглазым и черноволосым, а всегда представляю его себе с большой седой головой, со взором, просветленным тем светом, при котором уже не страшно ни жить, ни умирать [10].

Получается, что Вера Николаевна вспоминает Найденова таким, каким никогда не видела. Герой мемуарного очерка приобретает вневременное измерение и переходит в сферу вечной памяти в том «нетленном облике», который лучше всего выражает всю его прожитую жизнь.

Очерки, посвященные академикам, подчеркнута мемориальны. Это усиливает вневременное значение, которое приписывается их героям. Первый абзац очерка «Н.П. Кондаков (к пятилетию со дня смерти)» звучит камертоном всего повествования:

Высокий, плотный, с большой седой головой, с суровым, умным лицом, в тяжелой и очень добротного качества одежде, он при первом же знакомстве внушал уважение к себе, граничащее со страхом, даже людям, не имевшим понятия об его научном значении. <...> Во всем – в людях, вещах, еде – он прежде всего ценил доброкачественность. Подделки не выносил, самая незначительная недобросовестность выводила его из себя [11].

Обстоятельность роднит Кондакова с С.А. Найденовым, только в портрете академика она значительно усилена. «Подлинность» и «настоящность» отличают Кондакова от всех прочих людей. Он уже при жизни обретает «нетленный лик». А центр повествования о Д.Н. Овсяннико-Куликовском – простота величия или величие простоты. В описании первого своего знакомства

со знаменитым ученым, в кругу собственной семьи, В.Н. Бунина вновь «опрокидывает» эпизод в ностальгические воспоминания «вообще» — «как это было в Москве»:

В Москве, как известно, пригласить нежданного гостя к столу было явлением бытовым. Д. Н. с редкой простотой согласился отобедать с нами, только спросил, есть ли водка.

— Без рюмки алкоголя, — сказал он, — у меня не бывает никакого аппетита [12].

Академик с большим уважением относится к каждому и внимательно выслушивает всякого, с кем говорит. Он объясняет сложные вещи простому человеку «с редкой серьезной простотой». Или еще: «Спорил он очень приятно, никогда не давая чувствовать своего превосходства собеседнику, кто бы тот ни был, выслушивал, не перебивая, но твердо отстаивал свое, никогда не раздражался и не переносил несогласия в личные отношения» [12]. Он всегда высказывает уже обдуманное суждение; его определения точны — каждого писателя он способен определить одной-единственной фразой. Так что если Кондаков похож на памятник самому себе, то Овсянко-Куликовский — образец «живого» ученого, в котором серьезное академическое знание соединяется с настоятельной потребностью поделиться им со всем миром.

Принципиально важный момент — высоконравственный облик каждого из героев (традиция житийной биографии сказывается и в очерковой прозе: сам факт попадания в герои очерка предполагает некий духовный пример читателю). Эта тенденция присутствует в каждом из перечисленных произведений, но в «Овсянко-Куликовском» достигает апогея. Характерна реакция академика на события Гражданской войны:

И правда, события шли уже не шуточные. Когда о них рассказывали в присутствии Д.Н., он сидел с поникшей головой, с выражением муки и отвращения на лице, не произнося ни слова [12].

Важен в этом отношении и финал очерка:

<...> душа его, больше всего любившая свободу, не могла вынести гнета, произвола, преступности, патологии. Недаром молился он еще мальчиком:

— Господи, сделай так, чтобы я никогда никого не убил! [12].

А также обобщение (рифмующееся с приведенным московским), которое вводит читателя в основную часть очерка, посвященную одесским встречам времен войны и революции: «<...> в тот всем памятный жуткий период, когда характеры людей и свойства душ раскрывались особенно» [12]. Идея «нетленного времени» здесь значительно усложнена: время перестает восприниматься только застывшей счастливой феерией, оно выделяет из себя трагические отрезки, когда становится ясно, кто есть кто.

Нетленные души — по-прежнему основная тема В. Н. Муромцевой-Буниной. Очерк о Д.Н. Овсянко-Куликовском — последний очерк такого рода, когда удивительная душа героя раскрывается перед читателем сама по себе,

по ходу встреч с мемуаристкой. Среди дневниковых записей Веры Николаевны, фиксирующих этапы написания очерка об Овсяннико-Куликовском, появляется следующая запись, которая применима ко всем очеркам начального периода ее творчества:

Каждое рождение есть чудо, тайна, необъяснимое для человеческого ума появление в мире нового «Я», чем-то от всех отличающегося и никогда не бывающего тождественным с кем бы то ни было, как не бывает вылитых двух лиц, даже у близнецов, самых похожих, даже у них всегда есть то или иное различие. Рождение же гения, то есть пришествие в мир наиболее самобытного «Я», есть тайна, которая всегда притягивает к себе человеческую мысль, желающую объяснить это явление. Поэтому люди так и любят читать биографии, поэтому многих и тянет писать их, и потому биография не может быть совершенна, т<ак> к<а>к самое ценное в ней – истоки этого «Я» – почти неуловимы [13].

Следующий очерк можно назвать переходным. Он завершает первый этап творчества Муромцевой-Буниной и открывает второй этап, более сложный. Очерк посвящен С.С. Юшкевичу (как помним, желание написать о нем возникло у автора еще в 1927 г., когда Юшкевич умер; многие задуманные Муромцевой-Буниной очерки остались нереализованными или ненапечатанными, но этот увидел свет) – не самой яркой и не самой однозначной литературной фигуре. О Юшкевиче в окружении Буниных многие отзывались скептически, как о писателе ненастоящем и даже плохом. Фигура Юшкевича мало подходит для апологетических воспоминаний, и автор находит для этого писателя иную форму.

Традиционный начальный эпизод биографического очерка – знакомство – дан совершенно необычно. Знакомство происходит в петербургской квартире Л.Н. Андреева (с одной стороны, возникает рифмовка с очерком об Андрееве; с другой стороны, в тот очерк, вроде бы перечислявший все встречи, этот эпизод не вошел), причем сразу с несколькими литераторами. Из небольшого списка по ходу вечера выделяются двое – Юшкевич и Серафимович. И на фоне Серафимовича Юшкевич смотрится выигрышно. Эта «положительность» образа закрепляется приведенным в конце эпизода положительным отзывом Бунина:

Юшкевич нравится мне, – заметил И.А. – Он всегда несет и с Дона и с моря, но человек талантливый, живой, органический (*так!* – Е.П.), а вот Серафимовича терпеть не могу. Обратила ты внимание на его лошадиные зубы! [14].

В свете всем известного будущего и мемуаристка и ее муж оказываются крайне проницательными: Серафимович, как известно, стал одним из первых большевистских «классиков», а Юшкевич, несмотря на попытки сотрудничать с красными властями Одессы, сделал единственный выбор честного человека: «Но пришел срок, и он не побоялся с риском для жизни не только своей, но и всей семьи бежать за границу, чтобы стать эмигрантом, хотя он мог, переехав в Москву, устроиться там недурно» [14]. Читай: как Серафимович.

Дальнейший облик Юшкевича раскрывается при помощи описания его внутренних противоречий. Этот прием впервые появился у Муромцевой-Буниной в очерке об Андрееве, но там он был редуцирован, поскольку имел иную функцию: показать, что за его рисовкой стояла настоящая, неизбывная «русская тоска». Здесь же Юшкевич, с одной стороны, говорит много глупостей (выстраивается антитеза Овсяннико-Куликовскому: если маститый академик высказывал только хорошо продуманное, то писатель думает вслух, пытаясь разобраться в том, что сейчас чувствует его душа), с другой же – в парадоксах и при отсутствии логики проявляется его мятущееся «живое чувство». Как бы повторяя одну из черт Овсяннико-Куликовского, мемуаристка определяет духовную основу Юшкевича одним словом: «неистовство». На это определение работает целый ряд эпизодов, изображающих Юшкевича в споре. К ним добавляются эпизоды, в которых писатель наивен, как ребенок, – «нетленный облик» характеризуется евангельским смыслом «быть как дети». Появляется и ребенок – дочка Наташа, и Юшкевич теперь выступает как замечательный отец (семантически рифмуется с двумя упоминаниями о дочери Овсяннико-Куликовского). Все это вместе приводит к общечеловеческому выводу: «У него был редкий дар любить» [14]. И весь очерк обретает смысл «оправдания» писателя, которого понимали немногие.

Дополняют «нетленный лик» писателя и последовательная структура «нетленного времени», использующая грамматические формы настоящего времени: «Собираемся в гости к Андрееву. За окнами, сквозь кисею падающего снега, в ярком свете фонарей, сверкает тяжкий памятник Александру III»; «Ранняя одесская весна. Мы, по пути в Алжир, гостим в этом чудесном городе, где ежегодно проводим несколько недель. В Одессе у И.А. много приятелей, среди них Юшкевич»; «Проводим лето на даче под Одессой. Юшкевич, как всегда, живет на самой шумной станции <...>» [14].

Очерк завершается утверждением: в последние годы Юшкевич обрел «космическое чувство» (цитата взята из Ю.Ф. Самарина) Это утверждение оказывается финальной точкой «оправдания» героя. Ранее Муромцева-Бунина не делала таких философских обобщений. Созданный ею жанр требует развития и новых тем.

Показательно, что очерки первого периода творчества (1927–1930) легко складываются в некий авторский цикл. Каждый из них (кроме первого, о С.А. Иванове, и очерка о Кондакове) имеет второй заголовок «Отрывки воспоминаний» (который сначала предшествует имени героя, затем переходит на уровень подзаголовка) – вероятно, планировалось в будущем собрать очерки в книгу. Герои очерков вступают в сложные отношения между собой: те или иные яркие человеческие качества повторяются у разных героев; некоторые персонажи выступают антитезой другим. Но после 1929 г. (очерки, опубликованные в начале 1930 г., были написаны в 1929 г.) мемуаристка перерастает жанр «живого некролога». Ей хочется больше писать о «нетленном времени», в котором она жила. Следующий этап творчества В.Н. Муромцевой-Буниной требует специальной статьи.

Список источников

1. Пономарев Е.Р. Нет ни красных, ни белых...: М.В. Раскольников и В.Н. Бунина // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 2. М., 2010. С. 463–478.
2. «Когда переписываются близкие люди...»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун% (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3) / сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева, Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014.
3. Рогачевская Е. Литератор Вера Николаевна Муромцева // *Emigrantica et cetera: K 60-летию Олега Коростелева* / ред-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 753–774.
4. Бунина В.Н. Памяти С.А. Иванова // Возрождение. 1927. № 627. 19 февр. С. 3.
5. Бунина В.Н. Дневник 1927 г. // Русский архив в Лидсе. MS 1067/385.
6. Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111.
7. Бунина В.Н. Дневник 1930 г. // Русский архив в Лидсе. MS 1067/ 398.
8. Пономарев Е.Р. «Беседы с памятью» В.Н. Муромцевой-Буниной: Неизвестная книга о детстве и юности // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 158–169.
9. Муромцева В. Отрывки воспоминаний: Л.Н. Андреев // Последние новости. 1928. № 2820. 11 дек.
10. Муромцева В. Отрывки воспоминаний: С.А. Найденов // Последние новости. 1929. № 2874. 2 февр.
11. Муромцева В. Н.П. Кондаков (к пятилетию со дня смерти) // Последние новости. 1930. № 3257. 21 февраля.
12. Муромцева В. Овсянко-Куликовский: Отрывки воспоминаний // Последние новости. 1929. № 3107. 24 сент.
13. Бунина В.Н. Дневник 1929 г. // Русский архив в Лидсе. MS 1067/ 395.
14. Муромцева В. Юшкевич. Отрывки воспоминаний // Последние новости. 1930. № 3221. 16 янв.

References

1. Ponomarev, E.R. (2010) Net ni krasnykh, ni belykh...: M.V. Raskol'nikova i V.N. Bunina [There are no reds, no whites...]. In: I.A. Bunin. *Novye materialy* [I.A. Bunin. New materials]. Vol. 2. Moscow: [Russkiy put']. pp. 463–478.
2. Ponomarev, E.R. & Devis, R. (eds) (2014) “*Kogda perepisvyayutsya blizkie lyudi...*”: *Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoy, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoy i M.A. Stepun* (I.A. Bunin. *Novye materialy*. Vyp. 3) [“When close people correspond...”: Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun (I.A. Bunin. New materials. Vol. 3)]. Moscow: Russkiy put'.
3. Rogachevskaya, E. (2019) Literator Vera Nikolaevna Muromtseva [Writer Vera Nikolaevna Muromtseva]. In: Ponomarev, E.R. & Shrub, M. (eds) *Emigrantica et cetera: K 60-letiyu Olega Korosteleva* [Emigrantica et cetera: On the 60th Anniversary of Oleg Korostelev]. Moscow: Russkiy put'. pp. 753–774.
4. Bunina, V.N. (1927) Pamyati S.A. Ivanova [In Memory of S.A. Ivanov]. *Vozrozhdenie*. 627. 19 Feb. p. 3.
5. Russian Archive in Leeds. MS 1067/385. Bunina, V.N. *Dnevnik 1927 g.* [Diary of 1927].
6. Ponomarev, E.R. (2004) Rossiya, rastvorennaya v vechnosti: Zhanr zhitiynoy biografii v literature russkoy emigratsii [Russia, Dissolved in Eternity: The Genre of Hagiographic Biography in the Literature of Russian Emigration]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 84–111.
7. Russian Archive in Leeds. MS 1067/398. Bunina, V.N. *Dnevnik 1930 g.* [Diary of 1930].
8. Ponomarev, E.R. (2022) “Besedy s pamyat'yu” V.N. Muromtsevoy-Buninoy: Neizvestnaya kniga o detstve i yunosti [“Conversations with Memory” by V.N. Muromtseva-

Bunina: An Unknown Book about Childhood and Youth]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 4 (63). pp. 158–169.

9. Muromtseva, V. (1928) Otryvki vospominaniy: L.N. Andreev [Excerpts from Memories: L.N. Andreev]. *Poslednie novosti*. 2820. 11 Dec.

10. Muromtseva, V. (1929) Otryvki vospominaniy: S.A. Naydenov [Excerpts from Memories: S.A. Naidenov]. *Poslednie novosti*. 2874. 2 Feb.

11. Muromtseva, V. (1930) N.P. Kondakov (k pyatiletiyu so dnya smerti) [N.P. Kondakov (on the fifth anniversary of his death)]. *Poslednie novosti*. 3257. 21 Feb.

12. Muromtseva, V. (1929) Ovsyaniko-Kulikovskiy: Otryvki vospominaniy [Ovsyaniko-Kulikovskiy: Excerpts from memories]. *Poslednie novosti*. 3107. 24 Sep.

13. Russian Archive in Leeds. MS 1067/395. Bunina, V.N. *Dnevnik 1929 g.* [Diary of 1929].

14. Muromtseva, V. (1930) Yushkevich. Otryvki vospominaniy [Yushkevich. Excerpts from memories]. *Poslednie novosti*. 3221. 16 Jan.

Информация об авторе:

Пономарев Е.Р. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Москва, Россия), профессор Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: eponomarev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.R. Ponomarev, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); professor, Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eponomarev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2023;
одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 14.11.2023;
approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 30.09.2024.*